

Сознание парадоксально в своем существовании. То, что сознание есть как нечто обнаруживающее свое *есть*, это очевидно, но *есть* сознания не имеет топоса. Нельзя указать на место его существования. Таким местом не может быть, например, ка-

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

В. А. Конев¹

ПАРАДОКСЫ СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРА

кой-либо текст, так как текст становится местом сознания тогда, когда мы его читаем, а не тогда, когда видим. Оно не может быть никак локализовано, но может быть всегда обнаружено. Поэтому сознание дано нам как наш сознательный опыт, опыт сознательности. Это особое понимание не является пониманием чего-то, что дано как содержание сознания, это понимание — наличие самого понимания чего-то, с чем я могу теперь иметь дело — изменять его, при-

нимать и т. д. Это *особое* понимание есть сама способность понимания, понимаемость, которая и есть опыт сознания, данный каждому человеку.

Первый парадокс сознания разрешается в том, что сознательный опыт (опыт понимаемости) может реализовываться только конкретным индивидом. Он совершается в «одиночестве душевной жизни» (Э. Гуссерль) и является достоянием этого человека. Опыт сознания — достояние индивида! Но индивид не хозяин сознания. Сколько бы я ни желал помыслить какую-нибудь значимую мысль, она не помыслится. И в то же время без моего желания и усилия она тоже не объявит себя. Так обнаруживается новый парадокс сознания.

Второй парадокс сознания разрешается тем, как свершается опыт понимания (познаваемости). Сознательный опыт, или опыт понимаемости, свершается не тогда, когда человек приближается к знанию, от него объективированному, — вот таблица умножения и ею следует овладеть, поэтому он заучивает ее и она оказывается «в его сознании». Но человек будет «в сознании» не тогда, когда он умножает, а когда понимает, что *надо* умножать. Вот это *надо!* — не интеллектуальная характеристика (не характеристика ума), это бытийная характеристика, это требование ситуации бытия, экзистенциальной ситуации. Поэтому быть «в сознании» и значит быть «в бытии», «в есть». В каком «есть»? В том, где бытие и сознание тождественны, где совершается откровение бытия.

Сознательный опыт свершается как опыт открытия, откровения бытия, и это откровение может быть только конкретным в конкретной ситуации данному конкретному человеку. Метод сознавания (то есть открытия для себя своего совпадения с бытием) — это не метод теоретического разума (метод познания), это метод практического разума — как свершается событие откровения. Но тогда, когда человек совершает действие на основе понимаемости, «из сознания», которое его озарило (наиболее яркий тому пример всякий акт вдохновения, результатом которого становится открытие, произведение), это деяние свершается на основе *a recipienti* (от *lat. recipere* — свежее, настоящее, только что), а не на основе *a priori*. Здесь мы имеем дело не с возможным опытом, а с опытом, свершающимся по своим установлениям. Основание свершающегося опыта — сама конкретность, обнаруживающая свою значимость, открытость и смысл. Быть конкретным — это способ бытия всякого сущего, которое через отнесение к окружению устанавливается как бытийствующее. Я думаю, что можно и нужно принять онтологический постулат, утверждающий, что всякое сущее объявляет себя в ситуации, и это объявление становится основанием бытия сущего. Онтически для природного сущего это проявляется в том, что в диалектике природы называлось «всеобщей связью», а в кибернетическом видении мира получило определение как информационные отношения. Объявление себя и есть онтологически отнесение себя к окружению, в котором рождается необходимость данного существования. Сущее «привлекает» к себе, оно становится аттрактором, что и рождает *эту* ситуацию. Аттрактивность сущего делает его не просто сущим, а *этим* сущим, обладающим этостью (*haecceitas*, как говорил еще Дунс

Скот), принципом единичности и однозначности. Аттрактивность захватывает, втягивает, вовлекает в себя и становится основанием свершения, открывающего человеку смысл данного. Попасть в эту ситуацию захвата сознания открытостью бытия и есть мгновение судьбы. В это мгновение-ока, как в момент вспышки фотоаппарата, запечатлевается все то, что есть здесь-и-сейчас и дело человека сделать это своим достоянием, фактом своего сознания. Сознание озаряется смыслом в этот момент вдруг. И здесь обнаруживается *новый парадокс сознания* — оно возникает в определенный момент времени, имеет начало, появляется, но не имеет конца, оно преобразует время, останавливая его. Смыслы неуничтожимы, «рукописи не горят», идеи временны, они несут в себе время, несут *определенное* время, они *определяют* его. Этот, третий парадокс, как и все парадоксы существования сознания, получает свое выражение и разрешение в культуре.

Культура — хранилище опыта жизнедеятельности человека, и благодаря этой функции она преодолевает время, вбирая достижения мысли и действия, она изымает их из потока жизни для того, чтобы эти достижения стали *постоянно значимыми* ориентирами жизни. Но тогда культура ликвидирует «вдруг», а тем самым ликвидируется само основание возникновения сознания как открытия бытия, как постижения его неповторимости и однозначности, ликвидируется опыт сознательности. Культурные машины (образцы достижений), организуя жизнедеятельность человека, подчиняют его уже достигнутому, уже открытому, уже осмысленному. Это машины внушения, вменения. Человек под гипнозом не имеет сознания, он лишен сознательного опыта. Человек традиции — это человек под гипнозом, он мыслит так, как требуется, он оценивает так, как требуется, он чувствует так, как требуется. В него все вложено. Наиболее яркий тому пример — массовая культура и человек массовой культуры. Но и массовая школа действует так же, она убивает живую мысль. Смотрите, как талантливы и изобретательны дети, и что с ними происходит после их обработки системой образования! Школа увеличивает энтропию мысли, порождая средний уровень мысли, может быть, поэтому она и дает *среднее* образование? Однако в этой способности культуры — быть транслятором достижений — заключена и ее сила, благодаря которой обеспечивается цивилизационное развитие. Но культура может сохранять не только сами достижения, а и способность их продуцировать. В этом случае культура объективирует в себе опыт сознания, опыт откровения, опыт понимаемости. Это выражается, во-первых, в том, что культура не только мир традиций и достижений, но и мир значений и ценностей, а потому выборов и открытости. Во-вторых, культура — это мир интерпретаций, которые направляют сознание к скрытым, но ясным интуициям культуры, определяющим возможность существования интерпретаций. И в-третьих, культура — это мир тайн, вечных вопросов, перед которыми она ставит человека, тех «пунктов интенсивности» (М. К. Мамардашвили), попадая в которые человек *принуждается* к мысли. Объективируя опыт сознания (опыт откровения смыслов бытия), культура разрабатывает специфический язык — язык символов.

Символ пробуждает сознание, порождает работу сознания, вводит сознание в состояние открытости на понимание. Такими символами выступают мифологемы и архетипы, которые ставят членов определенного сообщества в ситуации понимания мира, к таким символам относятся различные сакральные вещи и сакральные символы и т. п. Крест, распятие не являются обозначением чего-либо, они вводят человека в мир определенных связей и отношений, тем самым организуя работу его сознания. Культурными символами становятся произведения искусства или образы, созданные художниками, — Дон Кихот, Гамлет, Печорин и др. К символическим образованиям могут быть отнесены культурообразующие тексты типа Библии, Корана, Ши цзин или даже менее значимые, которые приобщают человека к тайнам данной культуры. Эти тексты как колодцы, откуда бесконечно черпаются значимые смыслы, и гулкая темная прохлада которых вечно манит и тянет человека. Подобные символы требуют от человека определенной готовности к их восприятию, и эта готовность формируется не в образовании, а в живом непосредственном контакте с тем, кто уже видит и переживает эти символы. Символический язык всегда нуждается в живом носителе и передается только в непосредственном живом общении. Поэтому культура как объективация опыта сознания (опыта сознания и понимательности) всегда открывается через действие конкретного человека, ибо сознание, понимательность, опыт сознания неотчуждаем от человека. Нужно «рукоположение» в сознание! И оно совершается в ситуации «из рук в руки», «из уст в уста», поэтому культура сознания всегда имеет своего представителя. Такая возможность обеспечивается существованием особых символов, которые можно назвать категориальными. Они напрямую обеспечивают работу сознания как понимательной сферы. Суть их наиболее ярко иллюстрирует знаменитая фраза, придуманная академиком Л. Щербой: «Глокая куздра бодланула бокра...». Это «машинка» понимания смысла слов, а смысл существует только в их связях. Что такое «глокая» — неясно, но ясно, что это «какая-то», что это определение, свойство, причем эта содержательность сознания = понимание «быть определенным» встает в сознании сразу. Осваивая грамматические формы (а они осваиваются в непосредственном языковом общении, изучение языка по учебникам — исключительная ситуация), человек входит в мир смыслов, символизированных этими формами, спонтанно.

В культуре действуют свои культурные формы, становящиеся символами самых общих культурных смыслов, распознавание которых делает данного человека способным к существованию в культурном мире вообще и в данной культуре в частности. К таким формам относятся универсальные, свойственные каждой культуре способы передачи всякого культурного содержания — формы демонстрации (или остенсивные формы), императивные и аксиологические формы и формы-принципы. Эти формы не только используются культурой для трансляции определенного культурного опыта, например можно демонстрировать начертания букв или образцы поведения, но сама форма демонстрации значима и вводит индивида, осваивающего

культуру через остенсивные формы, в ситуацию отождествления себя с тем, кто ему дает образцы. Принимаемая культурные образцы, человек не только научается определенному содержанию, но одновременно отождествляет себя с определенным сообществом, с культурой, дающей эти образцы. Он осваивает смысл «МЫ», вводится в «МЫ», остенсивность становится символом этого «МЫ». Когда индивид осваивает культурное содержание через императивные формы (предписания, нормы, инструкции и т. п.), он не только получает некое определенное содержание, но и идею «ОН», идею долженствования, так как императивность ставит его в ситуацию подчинения.

Аксиологические формы ставят индивида в ситуацию выбора, которая открывает ему его «Я» и смысл решительности. А действуя с содержанием, которое раскрывается формами и принципами, индивид постигает смысл «ТЫ» как идею другого, зависящего от его действия. Эти смыслы, условно представленные местоименными выражениями, являются формальными категориальными содержаниями, которые указывают на логику вхождения человека в культуру. Это ступеньки определения человека как субъекта культуры, как субъекта, способного действовать с любыми культурными содержаниями. И это категориальное содержание символизировано самими универсальными формами культуры. Категориальными символами, порождающими определенные состояния сознания и его понимающие способности, выступают философские категории и философские концепты, определяющие работу философской мысли (такие как *cogito*, абсолютная идея). Значение символического языка для работы с сознанием становится особенно очевидно, когда обращаются к символам особого рода, к символам единичным и индивидуальным. Это символы типа вороны на снегу, которая стала для Сурикова толчком в работе его художественной мысли. Известно, что художник, задумав картину о боярыне Морозовой, долго не мог найти художественное решение своего замысла, но однажды, увидев ворону на снегу, он вдруг ясно представил себе всю композицию будущей картины. Эта конкретная вещь (ситуация) пробудила мысль. Таким образом, символ как особая значимая вещь и разнообразная символика, входящая в культуру, становится одним из фундаментальных принципов жизни сознания. Опыт сознания, работа с сознанием требует языка символов.

Парадоксы сознания обнаруживают себя и в процессе педагогической деятельности. Педагог видит свою задачу в формировании сознания ученика, он намерен работать с сознанием своего подопечного. Но, исходя из приведенных рассуждений, следует, что с сознанием может работать только сам человек, только тот, кому оно дано. Другому этого не дано. Смыслы, понимательность не коммуницируются. Можно передать знание, выраженное в знаках, но нельзя передать понимание. А именно последнее — способность понимать, способность к откровению, озарению сознания — должно быть целью всякого педагогического дела. Как передать то, что не может быть передано? Способность сознания не передается, а дается. Она может быть взята мною, когда она представлена мне, когда она демонстриру-

ется на моих глазах. Способность к откровению — это дар, который объединяет дарящего и дар принимающего. И единение это возникает только при личностном, живом контакте действующих людей. Вот почему культура жива только тогда, когда сохраняется традиция непрерывного живого общения ее представителей. Умирают научные школы, направления в искусстве, когда выпадают связующие звенья в цепи традиции. Дар сознания совершает-

ся в момент проникновения в *эту конкретную* ситуацию, которая открывается мне непосредственно. *Этот* данной ситуации, ее собственная тайна есть ее индивидуальность. А индивидуальность открывается индивидуальности, тому, кто сам несет в себе свою тайну. Отсюда следует парадокс действия педагогического акта — хочешь прояснить сознание своего ученика, не разъясняй, не разжевывай, а удиви непонятным, подари тайну.